

The background of the cover is a detailed illustration. A large, dark-furred wolf with glowing yellow-green eyes stands on a rocky ledge. To its right, a young man with dark hair, wearing a dark tunic and trousers, sits on the same ledge, looking down thoughtfully. The scene is set outdoors with a blurred background of trees and a cloudy sky.

Владимир Юрьевич Боровлёв
Одинокий волк

Бег в неизвестность

Владимир Боровлёв

Одинокий волк. Бег в неизвестность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38270929

ISBN 9785449347695

Аннотация

Голод, беззаконие, смерть – все смешалось на заброшенной планете на краю галактики. Правящему совету нет дела до живущих там людей, а им, чтобы выжить, нужно терпеть или бежать с планеты, но немногие осмелятся покинуть свои дома, чтобы узнать, есть ли еще жизнь на их планете.

Содержание

Дождь

5

Конец ознакомительного фрагмента.

77

Одинокий волк

Бег в неизвестность

Владимир Боровлёв

© Владимир Боровлёв, 2024

ISBN 978-5-4493-4769-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дождь

Даже сквозь сон слышу шум дождя, барабнящего по крыше нашего дома. По железной крыше ударили крупные капли, и глухим эхом отдавались во всём доме, создавая впечатление, что они пробьют её и дождь попадёт в дом.

Просыпаться не хочется, приятно лежать, ощущая умиротворённость, укутавшись в прохладу простыни и нежась, зная, что здесь ты в безопасности.

Свет утра, заглядывая в узкое на половину занавешенное окно, приветствуя меня своими утренними слезами, запечатлевшимися на мокром окне, освещая низкую металлическую кровать сестры, стоявшую у стены, с которой наполовину сползло на пол одеяло.

Первое, что я чувствую, когда глаза только-только начинают открываться, это запах. Лёгкий запах чего-то вкусного. Встаю и медленно даже не потрудившись одеться, иду на кухню. На ходу, тру кулачками заспанные глаза, вижу на столе половинку булочки, с намазанной густой кремовой массой, поверх которой уложены листочки зелени. Конечно, запах излучается не от неё, а от кастрюльки, которая томится на плите. Половинка лежит в полном одиночестве, значит, сестра уже свою часть съела и сейчас занимается запахом дождевой воды.

С водой в посёлке большие проблемы питьевую воду вы-

дают на каждого члена семьи, но вот постирать одежду или смыть с себя грязь, нужно проявить смекалку и позаботиться самому. Для этого нужно запастись терпением и ждать когда пойдёт столь редкий дождь, и тогда дождевой водой начинают заполнять всю свободную емкость, которая только имеется под рукой. Занимаются, как правило, этим дети, родители несмотря не на что должны работать, и не потому, что так надо, а потому что по-другому здесь не прожить. Денег за работу платят очень мало, но тем, кто работает, выдают карточки, по которым можно получить продукты.

Я выбегаю на улицу голышом и подставляю своё тело под теплые струйки дождя. Он скоро кончится, но воды, которую сестра успеет запасти, хватит надолго. Сегодня ей предстоит большая стирка и главное ей придется заняться отмыванием меня. Мне это в свою очередь не очень нравится. Но после стирки, никто не положит грязного мальчишку в чистую постель. А так как родителям некогда мной заниматься, то все заботы легли на плечи сестры, а значит, сегодня вечером она будет орудовать мочалкой, соскабливая с меня въевшийся песок и угольную пыль, которая благодаря поту постоянно пристаёт ко мне.

Песок это от пустыни, которая окружает нас от леса, и тянется около трёх километров, и куда мы вопреки запретам родителей бегаем ловить ящериц и просто играть, а угольная пыль от шахты, которая добывает уголь, для электростанции и завода по выплавке теладума, из соседней шах-

ты. Уголь ещё служит для отопления домов жителей этого посёлка. Его выдают рабочим на зиму, но катастрофически мало, а воровать здесь нельзя, если поймают, то засекут на смерть, причем прилюдно на площади, для такой показательной порки сделают выходной и специально соберут весь посёлок, чтобы все видели, как вор умирает медленно и мучительно от ударов плети. Хотя это даже будет не выходной, а перерыв на час, больше часа никто не выдерживал. После тело провесит до вечера как в назидания другим и когда последний рабочий пройдет со смены домой, его уберут. Потому что при такой жаре, второго дня оно не выдержит, и зловонный запах разлагающегося трупа, уже будет внушать не ужас, а отвращение.

Хотя пыль здесь помимо шахты ещё и от электростанции и если даже сильно не приглядываться, то можно понять, что она везде. От дороги до крыш домов и даже попадает в дом, поэтому окна здесь постоянно закрыты, но даже это не помогает спастись, от проникновения её в жилища.

– Ну что волчонок, – нежно говорит она. – Сегодня я тебя отмою, как следует, – она глядит на меня и улыбается. По её тёмным волосам струйками стекает вода, и коса мокрой плетью висит за спиной.

Она постоянно зовёт меня волчонком, я не знаю, может, я похож на него. Но живого волка я не видел ни разу, говорят их здесь много. Не в посёлке конечно, а в лесу, который находится в трех километрах от нас.

На самом деле меня зовут Вик, и мне десять лет, и все десять лет я живу здесь, так как другого место проживания не помню. У меня есть сестра. Звать её Дороти и ей шестнадцать, но она кажется старше. Возможно, все девочки и мальчики, проживающие в этом посёлке, выглядят старше, я этого не знаю, в большей степени общаться мне приходится только со своими ровесниками, или теми, кто не на много старше.

Дороти это удивительная девочка. Длинная и худенькая, туго обтянутая стареньким застиранным платьишком, из которого давно выросла, она мне всегда чем-то напоминает ящерицу, которые частенько попадают в пустыне, и мы с соседскими мальчишками их ловили. Может, тем, что она подвижная, стремительная, появляется всегда неожиданно. Коротко подстриженная чёлка позволяла видеть, маленькое лицо прекрасной формы, обладающее тонкой красотой. Кожа с оттенком лёгкого загара. Необычное, загадочное лицо, выражающее лишь минутное настроение! Глядя на него, нельзя было сказать, добра ли его обладательница или зла, снисходительна или строга, мягка или сурова. Оно могло, по ее желанию, точно отражать мысли, которым она предавалась в данный момент, но ее истинный характер оставался скрытым. Но самым замечательным в Дороти все же являлись её глаза. В их мерцающих глубинах искрилась смесь детской невинности, доброты и живого ума – не холодного, рационального ума, а именно того, который помогает ей при-

нимать правильное решение.

– У-у-х – поёжился я от этой мысли, вспомнив мочалку, которая вместе с грязью сдирала, чуть ли не кожу, и она потом становилась ярко розовой.

«Как у младенца», – постоянно говорил Дороти, после того как отмоет меня, и любовалась своей проделанной работой.

Кожу младенца я не видел, но сестра постоянно повторяла эти слова, и ещё я хорошо помню запах мыла, которым я пах потом очень долго.

Хоть я и считал себя достаточно взрослым. Десять лет. То отмываться самому мне никто не доверял. Видно помня мои вечерние умывания, где я, размазав пыль по лицу, оставался довольным и не притрагивался к другим частям тела, считая это излишней тратой воды, так как завтра я опять испачкаюсь, поэтому я уверен, что тем самым экономлю. Но почему-то сестра не разделяла моего мнения, и после моего умывания, она под моё недовольное бормотания начинала более тщательное, не забывая про мою шею, уши и только потом давала полотенце, чтобы я вытерся. Мне даже кажется, что ей нравится возится со мной, и всё своё небольшое свободное время она проводит со мной, а не со своими подругами. Одевая меня теплом и иной раз очень сильной заботой, заменив собой мне родителей, которым постоянно приходится работать.

Я продолжаю наблюдать за сестрой, как та переливает во-

ду из бочки под водостоком в большое корыто, в котором она стирает. При этом продолжаю стоять под дождём как есть, то есть не в чём, зная, что если намочу одежду, то придётся ждать, пока та высохнет. Я открываю рот и ловлю капли дождя языком, и в который раз отмечаю, что на вкус они не чем не отличаются от воды, которую мы получаем в бутылках.

«Так если она такая же, то почему мы её не пьём? Или не используем для приготовления пищи?». Так в раздумье я замечаю, что дождь кончился, так же быстро и неожиданно, как и начался. Просто кончился, как будто перекрыли кран.

– Мы пойдём сегодня в лес? – спрашиваю я, хотя ответ знаю наверняка.

– Сегодня некогда, идти в лес, – говорит сестра, наконец, обративши на меня внимания. – А пока вода для стирки и купания будет нагреваться, самое время навести порядок в доме.

– Жаль, – вздыхаю я, глядя, как последние струйки стекают по моему телу, но почему-то оставляют после себя грязные разводы. – Значит, тогда я пойду играть с ребятами, – продолжаю я, чувствуя, что булочка, которую я недавно съел, провалилась как в бездну и желудок просит добавки.

– Ни в коем случае, – отвечает сестра и глядит на меня, а точнее на тело которое после дождя почему-то стало ещё грязней, – Улицы превратились в грязное месиво, ты сейчас измажешься как чертёнок, а мне потом стирать, – продолжает она и, беря ковш, черпает воду. – Так что посидишь сего-

дня дома, а пока надо тебя хоть немного сполоснуть. Где ты постоянно умудряешься пачкаться? – вопрос, скорее всего риторический.

Я виновато пожимаю плечами. Как будто негде в нашем посёлке испачкаться.

Она поливает меня из ковша, а другой рукой помогает воде смыть грязные разводы, при этом мне от её рук щекотно, и если бы у неё была бы ещё одна рука, то она ей бы меня придерживала.

– Какой ты худенький, одни мослы торчат, и ребра пересчитать можно.

Она проводит пальцем по моим рёбрам, от чего мне становится ещё щекотней.

Разводов нет, она поворачивает меня к двери и, шлёпнув по голому заду, произносит.

– Беги в дом, сейчас поедим, и вытрись, прежде чем одеваться. Я не заставляю её повторять дважды и уже через секунду стою с полотенцем. Она заходит следом и достаёт из печи кастрюлю, ставит её на стол.

– Сейчас поешь и чтобы не отвлекал меня, – прекрасно зная, что если я остаюсь дома, то буду постоянно путаться у неё под ногами, она достаёт из портфеля книжку. Кладёт её на столик возле кроватей родителей.

– Почитаешь, – говорит она, и как бы сомневаясь, что я этим буду заниматься, добавляет. – После перескажешь, что ты прочитал. Если нет, то я тебя накажу, а если справишься,

то тебя ждёт сюрприз.

Сестра учится в местной школе, если это здание можно так назвать, и хоть местное правление и не одобряет влечение детей к знаниям, то и не препятствует им. Хотя, по их мнению, рабочий должен быть сильным, и тупым.

Поэтому разрешили обучение только девочкам, чтобы использовать их труд в местах, где их знания могут потребоваться, и где не нужна физическая сила. Мне, как и другим мальчикам появляться на пороге школы категорически запрещено. Но сестра пошла на хитрость и вечерами при свете свечи она обучила меня азбуке и теперь я могу читать. Она приносит книги и даёт мне их прочесть, а так как я читаю медленно, а свечи стоят дорого, то отец на меня постоянно ругается. В посёлке присутствует электричество, но так как мы за него не платим, то правление его экономит и после десяти оно его выключает, говоря, что нужно повысить напряжение на заборе. Днём же при свете солнца, заставить сидеть меня дома просто не возможно, ну а при этом ещё и читать то такое представить нельзя даже в самой смелой фантазии. Но Дороти пытается из фантастики сделать реальность, и я с ужасом понимаю, что ей это начинает удаваться.

Пока я вытирался и одевался, сестра накладывает в тарелку клубни картофеля и большой кусок крольчатины при этом, разломив его пополам, но оба куска, кладёт мне, достаёт соус и поливает им мясо. Теперь я прекрасно знаю, откуда шёл такой удивительный запах. Это от соуса.

– Так много? – удивляюсь я, когда она ставит тарелку передо мной.

Я вижу, что она отдала свой кусок мяса, я с этим не соглашаюсь и пытаюсь вторую половинку вернуть.

– Мне нужно, чтобы ты наелся и не приставал, каждые полчаса со словами хочу есть.

Я одобрительно киваю, при этом всё же отдаю второй кусок ей.

– Мне этого вполне хватит, – говорю я, усердно работая челюстями.

Даже остывшее, это блюдо самое лучшее из того, что я ел. Я бросаю вилку и вытираю остатки подливки пальцем.

– Где твои манеры?! – говорит сестра, глядя на моё безобразие, и даёт мне лёгкий подзатыльник.

На самом деле она очень добрая и терпеливая ко мне. Хотя иной раз я своими действиями и могу её очень сильно разозлить, но это бывает редко. В остальное время она спокойно может мною управлять и подавлять все мои капризы и протесты, у неё для этого есть несколько методов.

Закончив с полноценным завтраком, беру книгу, опустившись на потрепанную и проеденную молью шкуру медведя, которая расстелена возле кровати родителей, открываю её на первой странице.

И если в обычный день меня не заставить, то слова, произнесенные про таинственный сюрприз, заставляют меня окунуться в книгу с головой. Я даже не обращаю внимания

на появившееся в окне солнце.

Пока сестра снимала всё то, что можно постирать, протирала везде пыль, а чтобы ей нескучно было, то заставила меня читать вслух, поэтому схитрить мне не удалось уже с самого начала. Но в этот раз я сам увлёкся чтением что, даже не заметив, как сестра ушла из дома, всё равно продолжал читать вслух.

В книги описывалась жизнь людей и не такая как у нас, а другая, какая-то сказочная. Где все жили хорошо, ходили в театр в кино, где мальчики тоже, как и девочки ходили в школу. Где не приходилось рисковать жизнью, чтобы добыть себе еду, где за мелкие нарушения не секли прилюдно и тем более не забивали насмерть. Всё прочтённое казалось вымышленным, ведь я не мог себе представить, что есть такое место, где жить можно по-другому. Мне казалось, что все места должны быть похожи, на наш «райский уголок».

«Райский уголок»

Как не странно, но наш посёлок с севера и юга окружают горы, а с запада и востока лес. Южные горы хранят в себе залежи теладиама. Там и расположена шахта и рядом завод по его очистки. Тут же, впечатляющий своими размерами, космопорт, на котором и происходит отгрузка. А когда он простаивает, то тут ютятся корабли поменьше, в основном пиратские. Которые прилетают сюда «зализывать раны»

после столкновения с «Элитной стражей». Возле северных гор, добывают уголь, там же стоит электростанция, от которой тянутся провода, через весь посёлок к заводу и теладумной шахте. Возле восточного леса почти вплотную стоит дом управляющего. И космопорт для его гостей. Всё это обнесено пяти метровым забором и сверху натянута колючая проволока, по которой круглые сутки бежит ток.

Эта предосторожность была не случайной, ведь три года назад предшественника, вместе с тремя Выродками из его охраны, разорвал дикий медведь. Причем разорвал так, что собирать уже нечего было. Не помогла Выродкам ни оружие, ни броня.

Выродки – так зовут стражей охраняющих этот кусочек «райского места». Кто они на самом деле не знает никто. Они были больше похожи не на людей, а на человекообразных обезьян, лица Выродков были такого не человека подобного вида, что их трудно было назвать лицами – звериные морды, да и только. Взгляд пустой, в котором отсутствует даже простое сострадание. Для них мы просто мясо. Которое можно унижать, бить или просто убить, за это им ничего не будет.

Снаряжение Выродков было внушительно и внушало страх. Кевларовые бронежилеты, шлемы, дубинки, и штурмовые автоматы. Но самым главным, пожалуй, было то, что в глазах не было страха, в этих глазах не было ничего. Это приводило в ужас не меньше, чем оружие и защитное снаряжение.

Обе шахты и два завода, помимо охраны из тех самых Выродков, окружает забор и натянутая проволока. Не забыли и про космопорт, ну там, скорее всего предосторожность не от зверей, а от желающих без билета покинуть это «райский уголок». Покинуть это место можно только в одном случае – это умереть. Везде напичкана охрана. И если пиратам и разрешено вальяжно перемещаться по территории посёлка, то оружие им при этом носить с собой нельзя.

Наш дом стоит на западном конце посёлка, почти с краю, и хоть на завод можно пройти и через центр так и короче и безопасней. Но почему-то большинство людей, предпочитали дальнюю тропу, которая проходит мимо нашего дома, и вела на шахту по добычи теладиаума, и примыкающего к ней завод.

По утрам здесь обычно полно народу. Шахтеры торопятся на смену. Мужчины и женщины с согнутыми спинами, распухшими коленями, и постоянно голодными глазами с лицами потерявшим всякую надежду, что жизнь их может поменяться и быть более пристойной для человека.

У каждого есть свой дом и семья, дома почти как братья близнецы, похожие друг на друга, но в центре есть дома более богатых людей, это торговцев или тех, кто обеспечивает здесь мнимый порядок и законность, есть ещё и бараки возле шахты по добычи угля.

Вот в таком «райском месте» мы живем.

Вечером она вычищает меня с головы до пят, отскоблив

от меня всю грязь и часть кожи. И уже в доме, когда рассматривая свою розовую кожу, садясь на кровать, спросил сестру.

– Где ты взяла эту книгу?

– Понравилась? – вместо ответа поинтересовалась она.

– Да. Как ты думаешь, а где такие места есть?

– Не знаю.

Она подходит к парте которую смастерил отец для того чтобы она учила уроки, и я уже понимаю что сейчас она будет заставляя меня чтобы я ещё и писал. Мне почему-то не сильно затея сестры нравится, но я покорно соглашаюсь и сажусь за парту.

Хотя мне очень хочется поговорить с ней о книге, но она постоянно пресекает мои попытки, зная, что если я начну говорить, то забью ей голову, а это я умею, ну по крайней мере все так говорят. Просидев за партой и исписав, половина тетради карандашом, чтобы потом можно было всё стереть и использовать ещё раз, Дороти осмотрела мои старания, оставшись довольной, отпускает меня спать.

Раздевшись, я лёг. Но ещё долго не мог уснуть. Мне хотелось жить там, в том чудном месте, которое описано в книге. Жить вместе с мамой папой и сестрой. Там я бы мог пойти в школу, мама бы устроилась на нормальную работу, а папу могли бы вылечить.

Семья.

Помимо сестры Дороти у меня есть мама и папа.

Папа – это человек лет пятидесяти, с некрасивым, суровым лицом. Нет не страшным, а скорее гарусным и каким-то потерянным. После увечья голова у него была наклонена набок, что придавало ему какой-то угрожающий вид.

При строительстве ангара для ремонта космических кораблей в основном как оказалось позже – пиратских. На строителей упали леса, и отец получил сильную травму и поначалу даже думали, что он не выживет, но он выжил, но остался инвалидом. Хромал на левую ногу, что сильно замедляла его движение, и левая рука работала плохо. Но многим по сравнению с отцом повезло ещё меньше: кто-то на всю жизнь был прикован к постели, а кого-то похоронили. Тем, кого похоронили, повезло больше, чем калекам, которые не могли кормить свою семью, а теперь ещё и стали обузой. Но и отец тогда не мог работать на шахте.

До того, как появился ангар, шахты были единственным местом, на котором работали мужчины. Женщины трудились на заводе, и электростанции, где было установлено оборудование и требовало не столько физических навыков сколько умственных.

Помимо физической травмы он стал ещё и подавленным, ведь ощущение, что ты нигде не можешь устроиться – постоянно угнетает. Если нет работы, то ты обречён на голодную смерть.

Папа не считал себя обреченным. Он уже изо всех сил сра-

жался за жизнь. Ходил, унижался и работал на любой работе, которую ему предлагали, старался принести всё до последнего домой, причём сам порой ложился голодный.

Потом он пошёл и просился на работу в ангар, не сразу, но его взяли подручным, благо там скорость не нужна, но он не остановился и постоянно пытался учиться, после став неплохим мастером, и не один сложный ремонт не обходится без моего отца. Пираты щедро расплачивались, за ремонт, помимо скорости им нужно было и качество произведённых работ. А если требовалась установка дополнительного оборудования, которое они предварительно «позаимствовали» у других, то здесь их щедрость не знала границ.

Я не знаю, как он выдержал тогда, ведь то того как он попал работать в ангар прошло почти пол года. Но знаю, что выдержал потому, что это был единственный способ накормить себя, жену и двух малолетних детей. После всего, что с ним произошло, он сильно изменился и хоть я не помню его хорошо, каким он был до травмы, но по рассказам Дороти, он был весёлый и общительный. Сейчас же хмурый и постоянно молчаливый. Его состояние отразилось на его жене – нашей маме.

Мама – хоть и не выглядит очень старой, но проживание в этом месте оставило свой отпечаток и на её лице. Работа на электростанции, постоянные переживания, да и травма отца, сильно состарили её и изменили. Но ни она, ни отец, не изменились, по отношению к нам их детям. Даже пере-

жив, все, что им выпало, их сердце не зачерствело, и они продолжали окутывать нас своей теплотой и душевным добром. Мама хорошо шила и если нам удавалось достать материю, то она быстро превращала её во что-то для нас. Её мягкий голос, который она никогда не повышала на нас, тёплые руки, прикосновение которых, я постоянно ощущаю на своём лице и голове, да и всё остальное, что она могла отдавать в столь короткое время, когда была дома.

Отец тоже очень сильно нас любил, но в основном он больше времени воспитывал меня, прибегая, даже к физическим наказаниям, но я этого заслуживал. Поэтому обижаться я на него не мог. По хорошему мне нужно было просто вести себя более пристойно, но у меня это не получалось. И после очередной порки, за моё деяние, слезы быстро высохали, зад заживал, и через несколько дней из памяти всё улетучивалось, и я опять готов было, что-то начертить, раскаиваясь о своём непристойном поведении, только когда очередной раз встречались, ремень с уже немного зажившей попой. Но, увы, опять ненадолго.

Если он хоть как-то поначалу работал, то походы в лес пришлось забыть навсегда. Там здоровому на каждом шагу грозит опасность, что уж говорить о человек который тяжело передвигается. Но он успел обучить дочь столь нехитрому мастерству, с каких лет он её брал в лес я уже и не помню, но после аварий сестра уже украдкой ходила, и хоть вглубь не заходила, то всё равно приносила те жалкие крохи, кото-

рые помогали нам выжить.

После ей разрешили уже родители, и с тех пор она берёт меня. Ведь если бы отец мог то, скорее всего он сам стал меня обучать, но теперь сестра, хотя мне с ней даже веселей и интересней.

Корабль

Не получив ответ от сестры и проворочавшись пол ночи в мечтаниях о другой жизни я наконец-то уснул. Проснувшись утром как всегда самым последним, я опускаю ноги на пол, и на ходу как всегда тру кулачками заспанные глаза, иду на кухню. Дома никого нет. Родители на работе, сестра в школе.

Только теперь я вспоминаю, что вчера так увлёкся книгой, что забыл про сюрприз, о котором говорила Дороти.

Раздосадованный таким промахом я сажусь за стол и открываю тарелку, на которой мне оставили завтрак. Где-то в глубине подсознания я понимаю, что нужно вначале умыться, одеться, а потом завтракать. И если кто-нибудь из взрослых был дома, то именно так я и поступил бы, не сам конечно, но под их давлением, и не помогли бы мои доводы, что я только вчера купался, и испачкаться ещё не успел, и то, что дома жарко.

За день железная крыша так накаляется, и прогревает дом, что даже за ночь он не успевает охладиться, ещё плита,

на которой приходится готовить пищу и постоянно закрытые окна усугубляют и так душную атмосферу комнаты.

Поэтому пока никого нет дома я сам себе хозяин. И не очень утруждая себя, какими либо мелочами и правилами. Я заканчиваю с завтраком и только после этого нахожу свою выстиранную вчера одежду, которая бережно лежит на диванчике и ждет меня. Ведь на улицу без одежды не пойдёшь.

Я появляюсь на просторах чуть-чуть посвежевшего посёлка. Ведь дождь хоть немного и на время, но прибил всю угольную пыль, которая постоянно летала в воздухе. Нужно было чем-то занять себя до прихода сестры. Улицы практически пустынные, люди были в шахтах, а девочки – в школе. Но оставались ещё мальчики, которых я собирался найти. Мест для игр было немного, и найти бес толку слонявшихся детей не так сложно.

Сегодня толпа собралась на небольшом холме и жадно смотрела в сторону космопорта. Оттуда один за другим в небо поднимались, нашедшие временное пристанище пиратские корабли.

– Привет, – поздоровался я с ребятами,

Те, кто кивком, кто просто пожал руку при этом, продолжая смотреть в сторону космопорта. наблюдая за взлётом кораблей и их медленным растворение в просторах космоса, насколько это было возможно не для вооружённого взгляда детей.

– Чем займёмся сегодня? – поинтересовался я, пытаюсь тоже разглядеть, что заинтересовало их так, ведь в этом по сути ничего не было, каждодневные прилёты и отлёты, уже мало кого могли так привлекать.

– Чем, чем? – недовольно буркнул Кайл, который был самым старшим в нашей небольшой компании и возомнил себя атаманом. – Не видишь, что происходит, – продолжал он, как будто происходило что-то и впрямь интересное.

– Ну, улетают корабли, – ответил я – Такое происходит каждый день. Одни улетают, другие прилетают.

– Ничего ты не понимаешь, – сделал он свое заключение.

– Да уж. Куда уж мне, – обидевшись, проговорил я.

– Сейчас грузовой корабль садиться будет, видишь, ему место освобождают, – он проговорил, так как будто я полный критин, если не смог определить даже такое.

Кайл постоянно общался с пиратами, расспрашивая их о кораблях, об их путешествиях и налётах на мирные суда, поэтому считал себя самым умным. Как не странно с ним шли охотно на контакт, и даже иной раз угощали чем-то, и он постоянно твердил, что те неплохие ребята.

Неплохие, если не вдаваться в то, чем промышляют эти «неплохие» ребята. От грабежа торговых кораблей похищения людей, убийств, и торговля рабами. Даже здесь перешёптывались, что пираты привозят сюда рабов на угольную шахту, которая считается самой опасной. А так как пострадавшей семье придётся выплачивать хоть небольшое, но посо-

бие, в случае если кто-то из членов семьи погибнет, то в случае смерти раба никто не кому не платит. Ещё рабам не надо платить за саму работу, хотя и местным платят сущие гроши, и только то, что мы живем в хибарах, и имеем возможность заводить детей, отличает нас от них. У нас ещё в миске жратвы немного больше, и цепь по длинше, а так мы больше не чем не отличаемся.

Конечно, у нас есть и ещё ряд преимуществ. В трёх километрах от посёлка лес и он кишит разными животными и дичью. Ходить туда не запрещено и многие могли бы найти пропитания себе там, будь у них оружие. Оружие у людей просто нет, а если увидят, то это равносильно самоубийству. Охранник, который тебя обнаружит с оружием, просто убьёт. И ему наплевать кто перед ним взрослый или ребёнок. Про пол тоже говорить не приходится, он не имеет никакого значения.

Поэтому не всякий решится пойти на зверя с одним ножом, но есть те, кто ходят в лес, в основном это дети, проходят по краю и как саранча сметают на своём пути всё, что можно съесть. Далеко не заходят, посёлок из глаз не выпускают. При малейшей опасности – сразу обратно, к родным крышам.

В посёлке вы можете подышать от голода в полной безопасности, хотя и здесь безопасность вещь относительная.

Вторые в списке, это те, кто не может найти работу на шахтах, но надо кормить семью, да и самим что-то есть, такие

пытаются уже заходить глубже в лес, они знают, что и когда можно найти, и возможно у каждого есть своё место, где он промышляет.

Третьи, это те, кто этим ещё и пытается заработать, но таких людей, очень мало. Первый в этом списке местный лекарь Ламберт, который собирает травы для лечения, но некоторые утверждают, что тот в основном пользуется чужими услугами и лишний раз не рискует своей шкурой. Предпочитая покупать травы и лечебные корни у других. Вторым в списке был наш отец, хотя до травмы он был, наверное, первым и единственным, кто мог зайти глубоко, но теперь он не ходит, но мы с сестрой навещаемся туда регулярно. Она, скорее всего, понимает насколько это опасно, я пока ещё полностью не осознаю, и почему-то с Дороти мне кажется, что я в безопасности. Я ей верю и как слепой котёнок, постоянно слеую за ней.

Вот такой небольшой список людей, которые отправляются в лес, но есть список тех, кто оттуда не вернулся. Поэтому кто и отважится, в основном бродят по краю, в поисках съедобных ягод, грибов, или птичьих гнёзд, ещё можно нарвать зелень, которая хоть и не является основной едой, но неплохо скрашивает тот скудный рацион, который приходится есть каждый день.

Стоя на холме, мы задрали свои головы вверх. Там где-то далеко появилась маленькая точка, которая постоянно росла. И вот уже можно было разглядеть её в деталях.

Громадный грузовой корабль быстро рос, по мере того, как он приближался к земле. Сзади него проблёскивали корабли сопровождения, так как грузовики были большими, медленными, неуклюжими мишенями, беззащитными даже перед самым легким корабельным вооружением, то они постоянно нуждались в вооруженном эскорте, и чем ценнее был груз, тем многочисленнее был эскорт. Торговцы, которые пытались сэкономить на охране, потом горько об этом жалели.

Грузовик неуклонно снижал скорость, но делал это осторожно. Маневрирование требовало от капитана максимальной сосредоточенности.

И вот он уже висит в километре над посадочной площадкой грузового космопорта. Отсюда корабль выглядит особенно прекрасно в жарком сиянии утреннего света.

Тем временем остальные корабли сопровождения, заканчивая своё патрулирование, уходят на площадку возле дома управляющего. Пять стройных кораблей на солнечных батареях плавно в порядке очередности заходят на посадку. В ярком свете раскольного солнца они поблескивали, словно пять огромных полированных брусков серебра. Боевые корабли сопровождения представляли собой треугольник приблизительно двадцати метров в длину. Сделанные из стали и новых титановых сплавов, корабли имели широкие обзорные панели из прочного материала – витролита. Каждый был оснащен тремя передними турелями, и одной задней, в ос-

новном предназначенных для отражения ракет.

Зависшая гигантская туша торговца, чуть качнулась своим километровым корпусом. Из всех шести сопел опущенных вниз предназначенные для тактического маневрирования вырвалась радужная плазма, шесть перьев раскаленной плазмы, обжигали посадочную площадку. Корабль продолжил плавно снижаться на планету. Постепенно по мере приближения к земле окутывался оранжевым дымом и, притормаживая вспомогательными двигателями, плавно приземлился.

Постоянно интересовал вопрос, как это здоровое судно помещается на площадке чуть больше самого корабля. Нам плохо отсюда видно размеров космопорта и поэтому мы с замиранием смотрим, как он садится, постоянно ждем, что он своей массой разрушит все заграждения. Так как у нас развлечений нет, то это вполне подходит, чтобы провести время, но посадка быстро заканчивается, и опять всё цело.

С разочарованием мы покидаем свой наблюдательный пункт.

– Там просто крутой капитан, – сделал своё заключение Кайл. – Такими большими кораблями зелёные новички не управляют.

И толпа ему тупо закивала, что подняло его самомнение. Ведь он считал себя знатоком. Целыми днями мог рассказывать про корабли, из чего они состоят, и какое вооружение на них установлено. Но если задать тот или иной вопрос,

то легко можно было понять, что трактовку многих слов он не знает, а просто как попугай повторяет услышанное, даже не вдаваясь в смысл слов, и что оно именно обозначает. Он с негодованием относился, к вопросам, которые ему задавались, на которые он не знал ответа, порой даже доходило до стычек, поэтому большинство просто молчали, не желая с ним связываться. Он был старше всех нас, да и силой его бог не обделил, забыв дать немного ума. Тогда бы он, возможно, научился выходить из таких ситуаций, не подвергая себя унижительным шушуканьям за своей спиной.

– Когда я вырасту, то обязательно стану пиратом, – продолжал он под дружное мычание толпы.

– Для начала надо вырасти, да и покинуть планету тебе вряд ли кто разрешит.

– Чтоб ты понимал. Я договорюсь с каким-нибудь пиратом, и он меня вывезет отсюда, а после обучит управлять кораблём. Там нет ничего сложного.

Это ещё одно подтверждение его умственных способностей. Мало того что космопорт тщательно охраняли, запрещая к нему приближать под страхом смерти, только обслуживающий персонал, то в космосе на рейде стояли тяжёлые крейсера, которые предотвращали появление на планете нежелательных гостей, и перехватывая тех, кто взял безбилетных пассажиров. Поэтому не один не рискнет связываться с местной властью, из-за какого-то мальчишки, пусть он даже будет из золота. Своя шкура она всегда дороже.

– Сомневаюсь, что кто-то будет рисковать, из самоуверенного мальчишки, – спокойно проговорил я.

Привыкший, что ему все потакают, и никто не смеет противоречить, он накинулся на меня. Мы кубарем скатились с бугра, и стали кататься по песку.

Это ещё одно из развлечений, которые мы можем себе позволить. Но развлекаются в основном те, кто стоит в стороне и наблюдает. В связи с тем, что он старше, то и оказался сильнее меня и вот он уже сидел на мне верхом и бил по лицу.

– Выродки! – крикнул кто-то из ребят, и все побежали, Кайл не отличался смелостью, спрыгнув с меня, рванул вслед за уносившейся толпой.

Я медленно встал, понимая, что эти охранники, просто не тронут меня, так как я не представляю для них опасности. Я оглядел свою выпачканную одежду и тяжело вздохнул. Нужно было просто промолчать. Ну, тешит он соё самолюбие, ну и пусть продолжает. Язык мой меня опять подвёл. То, что болело лицо, это было ерунда, по сравнению с тем, что мне ещё предстояло.

Если Выродки и не заинтересовались мной, то вот сестра! Придётся отвечать на много её вопросов и не факт что этим всё закончится. Почёсывая зудящее лицо и пока целый зад я побрёл в сторону дома. День только начался, а я уже нацеплял проблем, как репъёв. Да и разве это первый раз? Кажалось, что проблемы и неприятности меня подстерегают по-

всюду, стоит только покинуть пределы своего дома, как они тут как тут.

Домой почему-то сильно не хотелось, можно конечно было и по-быстрому постирать всё, или просто повозить одежду в воде, смыв пыль и разложив её под палящим солнцем, но не факт что одежда успеет высохнуть до прихода Дороти. Можно прогулять, где-нибудь до самого вечера и после появится дома, так в темноте может и прокатить, но желудок предательски заурчал, противясь моему грандиозному плану.

Прикидывая все за и против своего плана, я оказался возле своего дома. Разглядывая занавешенное окно, я попытался определить, дома ли сестра, и сколько сейчас время. Немного постояв, я плюнул на постоянно протестующий желудок и собирался превратить свой план в действия.

Возможно, он был не самый правильный, но в данной ситуации, он был у меня единственный, а возможно со временем и придёт более подходящий. Сделать шаг мне не дала чья-то рука, поймавшая меня за шиворот. Нехотя я обернулся и увидел не совсем дружелюбный взгляд Дороти.

– Ты уже пришла? – единственно глупый вопрос всплыл у меня в голове.

– Ну что чертёнок пошли домой, – не удосужившись даже ответить на мой простой вопрос произнесла Дороти.

От этих слов мне становится не по себе, но сопротивляться я не стал, зная, что хватка у сестры очень крепкая, да и всё

равно рано или поздно придется возвращаться домой.

– Ты бы определилась, чертёнок или волчон... – закончить мне не дал подзатыльник, и хоть он была не сильным, то продолжать я всё равно не стал.

Я прижал голову к плечам, но продолжение было по нижней части тела и мне пришлось ускорить свой шаг, остановившись на секунду у одиноко стоящего кустарника, я оглянулся, видя как Дороти, тянет руку к сучку.

– Бедное дерево, и так не растёт, так ещё его постоянно обдирают, – проговорил я, смотря на реакцию сестры.

Та окинула меня хитрым взглядом и вняла моим переживаниям о бедном дереве, при этом она немного подумал, чем разожгла во мне интерес, о чём же она размышляет, ответ не заставил себя ждать долго.

– Да ты прав, – сказала она убирая свою руку от прутика, который только что хотела сломить, и видя мой довольный взгляд добавила. – Сегодня воспользуюсь старым отцовским ремнём.

– Может не надо? – голос мой звучал почти шёпотом. – Может лучше прутиком. Кустарник всё равно засыхает, – проклиная свой язык, попытался исправить ситуацию я.

– Нет Вик. Надо. Это единственный аргумент, который ты понимаешь, правда не долго, но хоть какой-то промежуток времени он останется в твоей памяти.

Я хотел попытаться объяснить ей, что в этот раз моей вины, как бы и не было, но не стал. Вина, наверное, всё же была,

надо было просто молчать, да и объяснять сестре все подробности, мне не хотелось. Просто если провинился, то нужно молча понести наказание за свой поступок, а не искать себе оправдание. Возможно это и так, но мне так не хотелось. Я тяжело вздохнул и повернулся лицом в сторону двери.

Она легко подтолкнула меня в спину, и мне ничего не оставалось, как открыть дверь и очутится в доме.

– Подожди, – вдруг меня пробило. – Ведь вчера ты мне обещала сюрприз, – я стал говорить быстро, как будто у меня больше не будет времени. Ты же обещала, – уже умоляюще просил я. – Потом после обеда ты меня накажешь, ну пожалуйста, – голосом больше похожим на жалобный стон, закончил я свой скоропалительный призыв к состраданию.

– А почему после обеда? – с интересом спросила она, так что у меня появилась надежда на более мирную развязку в этой ситуации.

– Понимаешь сидеть очень больно, а так до вечера может немного рассосётся.

Дороти улыбалась, видно мои доводы были настолько разумительны, что она легко на них согласилась.

– Иди в нашу комнату и не выходи оттуда пока я не позову. Если будешь подглядывать, то вместо сюрприза я тебя накажу, причём до обеда, а как ты при этом есть будешь, стоя, сидя или лёжа, меня это меньше всего интересует.

Я убежал в свою комнату, и подглядывание явно не входило в мои планы, хотя ожидание теребило душу, разры-

вая её на куски. Время как будто замерло и мне показалось, что прошёл минимум час, прежде чем сестра позвала меня. Не теряя не минуты, я вылетел на зов. На родительской кровати лежало что-то завернутое в лоскут. Я медленно подошёл, пытаюсь понять по лицу сестры, что это может быть, то, что это не съедобное, а в основном это и служило моим поощрением за что-то, можно было легко понять.

С трепетом я развернул кусок материи, которая скрывала от моих глаз что-то интересное и интригующее.

– Ничего себе! – звук удовольствия вырывается из моих губ, когда эта вещь появляется в моих руках.

Сюрприз

Я аккуратно взял в руку настоящий охотничий нож. По длинному, отливающему синевой лезвию торопливо скользнули лучики солнца из рядом находящегося окна и зайчиками расположились на стене. Холодная сталь отшлифованного до безукоризненной гладкости клинка, играла на солнце, подтверждая опасность, остро заточенного охотничьего ножа. Боевое оружие явно не для устрашения ворон!

Только на конце лезвия возле самой рукояти длиной в мужскую ладонь, которая удобно легла в руку, были заусенцы, которые как пилка располагались по обе стороны ножа, но в отличие от полотна пилы, были неравномерны и созда-

вали более похожий вид украшения, чем каким-то боевым приспособлением.

Крепкие, деревянные, украшенные искусной резьбой ножны в свою очередь, крепились к длинному широкому ремню из толстой тёмно коричневой кожи. Переплетения стеблей и листьев ощущались под пальцами каждым изгибом, каждым листочком, каждой тончайшей прожилкой. Казалось, что в руках вовсе и не ножны, а замысловатое переплетение ветвей. Подвесив ножны к поясу, и вложив предварительно в них клинок, я не скрывал восторженного блеска в глазах. Так что, когда я поднимаюсь на цыпочки, чтобы поцеловать её, Дороти в свою очередь, понимая меня, наклоняется. Я нежно целую её в щёку, обвив её тоненькую шею руками, прижимаюсь к ней. Слова льются из моих губ так, словно они неосознанно формировались в моей голове в течение долгого времени.

– Спасибо, спасибо, спасибо...

– Ну как тебе сюрприз? – поинтересовалась она, пытаясь отстранить меня от себя.

– Я и мечтать не мог о таком.

– Ну, первую часть своего обещания я выполнила? – хитро поинтересовалась она.

– Да, – уже с менее азартом проговорил я. – Но ведь ты пообещала после обеда.

– Ну, скажем, что после обеда мы пойдём в лес, а ты мне нужен там здоровый. Ты и так передвигаешься как медведь,

а если ты ещё будешь чесать свой травмированный зад, то твои шаги будут слышны на другом конце леса.

– Ну, ведь мы придём поздно, ... а там ужин...

– Ну а ты не хочешь ужинать стоя? – смеясь, спросила она.

Мне только оставалось, молча кивнуть, глядя то на сестру, которая о чём-то думала, то на сюрприз, который я сегодня возьму в лес, и хоть он мне и не пригодится, то мысль, что я пойду как взрослый, имея оружие, сильно подогрело и льстило мне.

– Давай наказание перенесём на завтра, – проговорил я и сам испугался своих слов.

– А давай ты пообещаешь мне вести себя как нормальный мальчик, а я не буду наказывать тебя, – предложила свой вариант сестра.

– Дороти. – предлагаю свою версию я – Давай лучше утром перед школой, а после ты меня научишь стирать, и тогда тебе не надо будет меня наказывать.

В глазах сестры была задумчивость, может она оценивала предложения, возможно, решила, что мальчишки они все такие и проще поменять движения звёзд, чем перевоспитать меня, но не какую из своих мыслей она не озвучила.

– Пошли обедать, а там посмотрим.

Обедали, я и Дороти молча, как впрочем, и в большинстве случаев. После убрав и вымыв посуду, я подошёл к кровати и взял первое своё оружие. Но меня удивило, что ремень был велик, и не только мне, но и взрослому человеку.

– Это, какое нужно иметь пузо, чтобы его подпоясать?

Дороти весело рассмеялась, настроив ремень не застегнула его возле моей талии, а перекинула мне через плечо.

Я нахожусь в оцепенении от подарка, который болтался у меня сбоку и при ходьбе легонько ударяет по ноге. Дороти с умилением смотрела на меня и на то, как я, не отводя взгляда от ножа, чуть было головой не протаранил косяк двери.

– Ты смотрел бы вперёд, а то до леса мы так сможем и не дойти.

Я утвердительно кивнул, и вышел на улицу. Как мне хотелось, чтобы меня сейчас увидели, хотя бы мои друзья.

Лес.

– А ты когда первый раз, одна пошла в лес? – спросил я сестру, отводя внимания от подарка и вступая на песок.

– Когда папа получил травму, и мы ощутили нехватку продуктов. Когда первый раз я увидела, как отец, отдав мне кусок хлеба, сам лёг голодный. Вот тогда ночью я решила, что нарушу запрет папы ходить в лес одна.

– И ты пошла? Тебе было страшно?

– Конечно, было. Лес стал нашим спасителем, когда отец и я ходили туда, и нам хватало пропитания. Но той ночью я твердо решила, что мы не будем больше голодать, и решимость победила страх. На первых порах, я просто ходила возле леса и воровала яйца из гнезд, и конечно, я собирала

разные травы, попадавшие мне повсюду, Где-то даже находила грибы. С растениями и грибами надо было смотреть в оба. Съедобных среди них много, но стоит раз ошибиться, и тебе конец. Я всегда приносила их домой, и отец тщательно проверял их. Он понимал, что меня не остановить, и уже не препятствовал мне так рьяно как раньше, только постоянно просил быть осторожней. Он стал усердно учить меня делать силки и ловушки, а я вспомнила, как он их устанавливал. Но внутри меня постоянно жил страх. Было очень страшно одной зайти вглубь леса.

– Ну, ты ведь победила страх, если учитывать что мы ходим вглубь леса? Как?

– Иной раз, чтобы победить страх нужно поглядеть ему в глаза. И что такое страх по сравнению с голодом, который победить невозможно. Вот так я, перебарывая можно сказать себя, и вошла вглубь леса, и с каждым днем я все смелее вступала в его зеленые объятия. Я, ловила сетями рыбу, иногда удавалось поймать в силки зайца. Мы выжили.

Мы подходим к лесу. Тут уже надо держать ухо востро. Много всяких зверей, бешеных собак, ядовитые змеи, клещи. И тропинок почти никаких нет. Зато можно добыть еду, если умеешь, а сестра умеет и потихоньку обучает меня, поэтому и берёт с собой постоянно. Мне с ней хорошо, она веселая если возможно это здесь, но у неё голос как успокаивающее снадобье, если она говорит, то становится, легче и я даже забываю где и в каком аду мы живём. Вот так просто слу-

шая её. Говорить она может весь путь от дома до леса и рассказы постоянно разные, откуда она их берёт, я не знаю, может ей это в школе рассказывают, может в одной из книг прочитала. Я стараюсь не спрашивать, боясь перебить, а только внимательно слушаю.

Слушаю, так же и запоминаю, когда она учит расставлять меня силки, ведь не имея оружия, дичь и так можно поймать, если иметь сноровку и знать, как это надо делать. Также она показывает, какие ягоды можно собирать, какие грибы съедобные и как правильно определить, где птичье гнездо и есть ли там яйца, хотя последнее мы делаем очень редко. Разорять гнёзда из-за нескольких маленьких яиц – неохота, но когда нет выбора, то не брезгуем и этим.

Постепенно лес меняется и от редко растущих деревьев, песка и мелких камней мы ступаем на настил из сосновых иголок. Мы в лесу. В настоящем лесу.

– В чем дело? спрашивает я сестру, которая оборачивается и смотрит на меня.

– Постарайся идти тише, – просит она. – Ты распугаешь всех кроликов в округе. И привлекаешь всех хищников.

Хищников можно не бояться, у них сейчас полно добычи намного лучше, чем два костлявых ребёнка, но предосторожность никогда не бывает лишней.

– Да? Прости, я постараюсь, – говорю я виновато и стараюсь смотреть себе под ноги.

Идем дальше; стало немного лучше, но даже теперь я

вздрагиваю при каждом шорохе, которые издаю сам же.

– Может, снимешь ботинки? – предлагает она, думая, что без них я буду идти тише.

– Как? Здесь? – изумляюсь я, как будто она предложила мне пройти босиком по горящим углям.

Есть что-то сверхъестественное в том, как неслышно она передвигается даже осенью, когда лежат листья и почти невозможно сделать шаг, не издав при этом хоть малейшего шума. Возможно, со временем и я научусь так тихо передвигаться, но пока у меня это не получается.

– Хотя не надо, – опомнилась она. – Не хватало, чтобы ты ногу ещё себе проколол. Следи за моими ногами. Просто постарайся наступать туда, куда наступаю я.

Это помогает, но ненадолго, возможно мне просто не хватает внимания.

Мы идем дальше. Путь уже известен, мы с сестрой не первый раз по нему ходим. Я двигаюсь внимательно, стараюсь смотреть под ноги и перешагивать все сучки. Улучшение, несомненно, есть, тем не менее, я мог бы поклясться, что мне специально кто-то подкладывает сучки и ветки под ноги, и я чуть отвлекаясь, разглядывая что-то на верху деревьев или сбоку, наступаю на каждую ветку и на каждый сучок на своём пути.

Сестра не сердится, она могла бы пойти одна, но если меня не учить, то я так никогда и не научусь правильно передвигаться по лесу. Она терпеливо меня всему обучает, а глав-

ное у неё сейчас не научить меня ходить бесшумно, а научить ориентироваться в лесу. Чтобы я не заблудился, хоть по правде говоря, без неё меня в этот лес не загнать и палкой, но я внимательно слушаю, стараюсь всё запомнить, и когда она, проверяя меня, задает тот или иной вопрос то я безошибочно отвечаю. Ну, почти всегда безошибочно.

Потихоньку с каждым шагом мы углубляемся, впереди небольшая полянка и я прекрасно знаю что это.

– Вик, – говорит она. – Ты останешься собирать землянику, а я пройду, проверю силки и спущусь к озеру, – она внимательно смотрит на меня. – Волчонок, я тебя очень прошу, никуда с этого места не уходи.

И Дороти, сорвав одну ягоду, подносит к моим губам, я нежно беру её ртом и, прокусив нежную кожицу, ощущаю взрыв терпкой сладости на языке.

Земляничник сестра нашла ещё с отцом, когда тот мог нормально передвигаться, много лет назад, и он находится не с краю леса, а то его вы уже оккупировали менее смелые искатели пропитания. И мы сейчас вопреки всем правилам безопасности находимся в самой гуще леса и, нарушая наше же, не писаное правило не отходить друг от друга далеко.

Некоторые прогулки необходимо совершать только в одиночку. Я остаюсь собирать землянику, а сестра идёт к пруду, но я прекрасно понимаю её. Ей придётся раздеваться, чтобы проверить сети, поставленные в воде, а она стесняется меня. Я ещё не собрал и малой части ягоды появляется сестра,

и по мокрым волосам я вижу, что она купалась и скорее всего, плавала, она умеет, я сам видел.

Как-то раз я не специально пошёл следом, просто мне надо было что-то спросить или, ...честно говоря, сейчас и не помню, и я увидел, как она плавает, и тогда она попросила меня отвернуться, выйдя из воды, спешно оделась.

Она не кричала и не ругала меня, но с тех пор я остаюсь на том месте, где она меня оставляет, и терпеливо жду, когда сестра вернётся за мной.

Она бросает свой взгляд ко мне в ведро и помогает мне собирать ягоды.

Вечер еще не наступил, а у нас уже пять рыбин, два кролика и, что самое приятное, небольшое ведёрко земляники.

– Пойдём волчонок поплескаешься, – предлагает она, и мы направляемся к озеру.

Пока я плещусь в прохладной воде, она стирает мои вещи, найдя место, где солнце проглядывает сильнее из-за толстых крон деревьев, раскладывает сушиться.

После она усаживается передохнуть на отдававший то зелеными, то розовыми бликами камень, бережно отшлифованный водой, которая, скорее всего когда-то доходила до него, и как подтверждением размытыми корнями дерева, растущего позади камня, и своими ветками заслонявший эту часть берега.

Пока я буду плескаться в воде, Дороти, чтобы не терять время попусту, достаёт из ножен нож, который недавно по-

дарила мне и лукаво поглядывает на меня, как бы проверяя, видел ли я.

После достаёт из походной сумке и аккуратно раскладывает куски проволоки и начинает сооружать очередной си-лок, изредка бросая взгляд на моё беспечное барахтанье в воде. В отличие от сестры я её не стесняюсь.

Мне кажется, что я постоянно чувствую её внимательный взгляд, прикованный ко мне. Но когда я оборачиваюсь, то она как не в чём небывало продолжает что-то мастерить, и на первый взгляд я её даже не интересую.

Конечно, я заметил, как Дороти орудует моим подарком и это тешит моё самолюбие, хотя получается, она меня использует как своего оруженосца, но мне это приятно.

Накупавшись, я вылезаю и направляюсь к ней, сажусь рядом. Но не камень, а на траву.

Трава на поляне около озерца зелёная, мягкая и прохладная. А круглое озерцо обрамляли со всех сторон небольшие, склоненные к воде кусты. Лишь там, где в полутора-двух метрах от берега росла верба, между кустами оставался про-свет.

Сестра опускает свою руку мне на голову и расчесывает своими тонкими пальцами мои влажные волосы. После от-кладывает только что сделанную ловушку и переплетает сою косу. При этом она рассказывает, как правильно её смасте-рить.

После того как отец стал работать в ангаре, то у нас ста-

ли появляется многие интересные вещи с помощью которых можно мастерить всякие приспособления для ловли рыбы, зверей.

Я внимательно слушаю ведь не надо иметь много ума чтобы понять это нужно для того чтобы выжить.

При всей нашей нищете у нас есть одно преимущество: так как мы добываем еду каждый день, она большей частью такая свежая, что того гляди убежит.

Встаю и иду к месту, где сушится моя одежда. На моём пути лежит оболочка гнезда диких пчёл, превращенная дождем в бесформенную массу и высушенная солнцем. Когда я касаюсь ее ногой, она рассыпается в пыль, которую уносит ветер. Я невольно смотрю вверх туда, где она раньше, скорее всего, висело. Дерево засохло, и сук не выдержал массы гнезда, упал на землю.

– Ты ведь ела мёд? – обращаюсь я к сестре, пробуя свою одежду.

– Да. Но это было так давно, – печально отвечает она.

– А правда, что он очень, очень сладкий? – продолжаю я свой вопрос, при этом убедившись, что моя одежда высохла, начинаю одеваться.

Дороти смотрит на меня, она прекрасно помнит, что этот вопрос я постоянно задаю, как мы появляемся на озере. Я это тоже хорошо помню. Но я никогда не пробовал это мёд, и мне хочется ещё раз услышать, как они с отцом нашли его, и как он после один без сестры ходил за ним, боясь, чтобы

пчёлы, могут покусать ребёнка, да и просто хотел ей сделать сюрприз.

Где-то в глубине души я надеялся, что когда стану более взрослым мы обязательно пройдем глубже и найдем его и тогда я смогу уже не по услышанному, а по-настоящему смогу оценить это чарующий вкус мёда.

В тот день помимо мёда нашу семью ждал ещё один сюрприз. В тот день появился Я.

Она снова рассказывает ту историю из своего детства, при этом смотрит, как я зашнуровываю ботинки. Они мне велики. Может, поэтому мне не очень в них удобно ходить, и поэтому я наступаю на все сучки и издаю такой шум, но это единственная обувь, которая подходит для таких путешествий по лесу, где водятся змеи.

Хотя ещё менее приятное, это клещи, которые впиваются в тело. После таких походов, Дороти будет тщательно изучать моё тело на наличие непрошенных пассажиров.

После мы забираем весь сегодняшний улов, и возвращаемся домой. Она проверяет ещё раз все хитроумные приспособления, подглядывает место, показывает мне.

– Ну что волчонок иди, поставь, а я проконтролирую и поправлю, если что не так, – она протянула мне только что сделанный силлок.

Я, как и сестра выбираю гибкое дерево и начинаю пристраивать ловушку, чувствую, как она медленно подходит сзади и помогает мне своими руками.

– Ну что, – нежно говорит она. – Скоро узнаем, годишься ты в гильдию охотников, а то может я рано отдала тебе нож.

Я улыбаюсь, ведь она мне помогала, и если что-то попадётся, это будет в основном её заслуга, но приятно, что она даст мне насладиться триумфом, и не попрекнет тем, что она в этом тоже участвовала.

Сестра очень здорово управляет с ловушками: закрепляет их на гнущихся деревьях так, чтобы убивать хищников, уравнивает бревна на тонких ветках, сплетает корзины для ловли рыбы, из которых добыча не может выскользнуть.

Она мне опять рассказывает истории, прочитанные в книжках, и мы проходим пустынную местность и появляемся возле своего дома.

Сейчас она будет потрошить рыбу и кроликов, а я должен буду чем-то себя занять, чтобы не мешать ей, приготовить ужин, для всей семьи. Мой хитроумный план, как сбежать из дома и провести время с другими мальчишками проваливается с треском.

Наш дом

Дом это две комнаты. Первая она же кухня и спальня родителей. На кухне рядом с печкой находилось все необходимое для еды: стол, шкаф для провизии, в нем же мы храним посуду; на другой стороне в углу стояла железная под голубым покрывалом, кровать мамы с отцом. Перед кроват-

тью лежит старая медвежья шкура. Рядом возле окна напротив кровать стоит небольшой столик. Здесь же, но на противоположном углу стоит маленький диванчик и с ним швейная машинка, на которой мама шьёт одежду, да и так по мелочам, когда есть из чего. В противоположном углу – отгороженная стеной и, занавешенная красной материей, наша с Дороти комната.

Здесь две кровати и возле окна, стоит из тёмного дерева настоящий, письменный, с тумбочкой стол, за которым сестра учит уроки, но и в свободное время он не пустует. Уроков им задают мало, и в основном за ним заниматься приходится мне. Дороти в свою очередь постоянно любила все заново пересматривать, перекладывать, наводить порядок в четырех выдвижных ящичках. Казалось, что здесь нет ничего лишнего, но все те даже не столь многочисленные вещи, которые хранились, были дороги для сестры. Ценного там нечего не было в основном открытки, цветные картинки, но самым дорогим для Дороти была кукла с зелёными глазами. Мне правда ни разу не удалось увидеть, как она с ней играет, но она говорит, что это талисман. Возможно, она когда-то играла ею, но это было очень давно. Скорее всего, играть она перестала, когда появился я, может времени у неё для этого совсем не осталось, да и живая «кукла» лучше, чем пластмассовая.

И я уже сижу за партой и складываю цифры. Пытаюсь вспомнить, как правильно называется предмет, которым за-

ставляет меня заниматься сестра.

Просидев до самого вечера и в основном пролетав в облаках, я улавливаю запах вкусоностей, который исходит с кухни, но пока не придут родители, ужинать мы не сядем. Но сегодня началась отгрузка, а значит и рабочий день продлится. Я опять опускаю свой взор в тетрадку и продолжаю считать, желудок предательски начинает напоминать, что он пуст, но нужно набраться терпение. Я даже не замечаю, как сзади подходит Дороти. Но когда я уже вижу опустившуюся голову в тетрадку, я понимаю, что она не очень довольна той работой, которую проделал я.

Вместо того чтобы отругать меня, она на минутку задумывается и почему-то глядя в мои глаза которые я поднял вверх, закусывает губу. В её голове что-то происходит мне непонятное. Меня это настораживает, так сильно хочется понять, что происходит у неё в голове.

После она берёт карандаш и вместо того чтобы показать на мои ошибки, а они есть. Я точно знаю, так как они были всегда и куда им деться сегодня. Она быстро пишет ещё несколько примеров. После отдаёт карандаш мне в руки. Я гляжу на неё с нескрываемым интересом, который остаётся для неё незамеченным, или она хитро делает вид, что просто не замечает моего волнения и не понимания в её действиях.

– Если решишь всё, – она делает паузу и смотрит на меня. – Правильно, – добавляет она и в глазах её проблёскивает искорка. – И найдёшь все ошибки в предыдущих примерах, то

тебя ждёт на ужин что-то вкусненькое.

– Что? – единственное, что вырывается у меня из груди.

Я быстренько пытаюсь прокрутить в голове, что же такое может мне предложить Дороти, и не находя ни одного варианта, продолжаю заинтриговано смотреть на неё.

– У-у-у, – произносит она. – Такое, что мне кажется, что я даже продешевила.

Последние слова меня интригуют ещё больше.

– Скажи, что это. Ну, пожалуйста...

– Точно продешевила. Помимо всего ты должен написать, как называется тот предмет, который ты изучаешь. Причём без ошибки, – последними словами, добила она меня.

– Написать? Без ошибки? – простонал я.

Я даже вспомнить не могу, как он называется, а мне надо ещё и написать.

Видя, как моё удивлённое лицо меняется, и превращается в кислую мину, она добавляет.

– Поверь оно того стоит, – последнее, что произносит Дороти, пытаясь видно поддержать меня.

– Дороти. Ну, будь человеком, – стоная, прошу я, глядя, как сестра выходит из нашей комнаты.

Она обернулась на мой стон, но вместо того, чтобы поведать о столь интригующем меня сюрпризе, хитро улыбается, видя, что задела меня, за живое. После, просто не проронив больше ни слова, скрывается в проеме двери.

Я-то может, и верю, но почему-то мне не придаёт это

оптимизма. Я склоняюсь над тетрадкой. Когда за то, что ты должен сделать бесплатно, обещают вознаграждение, то мозг, который поначалу ленится, вдруг просыпается и начинает работать более усердно.

Первым делом, я решаю оставшиеся примеры, после те которые мне дописала Дороти. Закончив, я начинаю искать ошибки. Как я впрочем, и был уверен, они были, и я их нашёл, но после я проверяю ещё раз и опять нахожу, причём одна ошибка в уже исправленном мною примере. Оказалось, что первый раз я решил его правильно. Я быстро стираю ластиком неправильный ответ и вписываю тот, который был раньше. На губах у меня появляется ликующая улыбка, но она тут же исчезает. Остаётся ещё одно нужно вспомнить название предмета, и ещё написать без ошибок. Мозг основательно проснулся, и он подсказывает не совсем честное, но единственно правильное решение.

Я никогда не лазил в школьной сумке моей сестры. И сейчас у меня замирает сердце, когда я прикасаюсь к ней, но я надеюсь, что там нет, ничего кроме книг. Даже уверенность в этом не скрывает мой стыд. Я достаю учебники и по одному открываю их и во втором уже нахожу приблизительно такие же задания, которые пишет мне сестра, хотя уже на первый взгляд они кажутся намного сложнее. Я быстро закрываю и с обложки списываю АЛГЕБРА.

– Вообще-то в твоём случае математика, но мне нравится твоя сообразительность.

Вот тут я был готов провалиться сквозь землю. Мало того что я не правильно написал, так меня поймали на таком гнусном поступке.

Я даже готов к тому, что она меня высечет, отругает. Я уже не хочу того вкусного сюрприза. Мне хочется лечь от-вернуться к стене и чтобы никто не видел меня, и то, как мне стыдно.

– Ну, вот видишь когда захочешь, то можешь и без ошибок. Значит, вкусненькое вознаграждение ты заслужил, – говорила она, проверяя примеры, которые я решал.

– Не хочу... – единственное, что я выдавил из себя, так как комок подступил к горлу.

– Зря, – сказала она, но объяснить, почему зря не успела, с работы вернулись родители, и пока те будут переодеваться, и мыть руки, ей надо накрыть на стол.

Она ушла, я продолжал сидеть и проклинать себя за этот поступок. И хоть я ничего не украл, а всего лишь пошёл на хитрость, то всё равно мне было мерзко и противно. В нутрии меня грыз червячок, постоянно напоминая мне об этом поступке. Стараясь подавить в себе это чувство, я встал из-за парты и отправился следом за Дороти.

Я появился на кухне когда уже все садились, только сейчас я заметил, что по ноге, продолжает приятно постукивать подарок Дороти. С ним я ощущал себя рыцарем, правда, в данной ситуации падшим. Отец увидел моё новое приобретение, но ничего не сказал, он посмотрел на Дороти, точно зная,

чьё это затея. Может у него, и были вопросы к ней, но в моём присутствии он их задавать не стал.

Ужин проходил в тихой обстановке. И когда я уже поел и хотел уйти, то сестра поставила передо мной варенье из земляники, которую мы сегодня собирали.

Точно. Как же я сам не смог догадаться, ведь этим вареньем мы в основном и лечились зимой от простуды. А так как видно немного не влезло в банки, то сестра решила использовать как награду за моё усердие.

Родители, прекрасно зная, что сестра вот такими методами тянет меня за уши к знаниям, сами порой помогали ей в этом. Если удавалась достать, что-то из лакомств они не отдавали его мне, а отдавали сестре, и та использовала его как очередное поощрение, причём и свою часть тоже.

Мама взглядом спросила за что. Хотя в данном случае они мне бы его отдали и просто так, как самому маленькому. Но куда прекрасней его получить, как награду за что-то, даже пусть я должен, по мнению Дороти и так решить эти примеры, но ведь я просто ленился, а само слово сюрприз, как волшебная палочка вывела меня из спящего состояния, и свершило чудо. Это тяжело понять тем, кто килограммами потребляет конфеты и другие лакомства, то в нашей жизни, где обычное яблоко это роскошь, вполне приемлемая награда, это варенье.

– Сегодня он превзошёл сам себя, – проговорила сестра, нарезаая батон который принесли родители. Наверное, кто-то

расплатился с отцом за то, что тот что-нибудь отремонтировал.

От слов сестры я хотел залезть под стол и не вылизать до самой старости. Я почувствовал, как жар охватил мои щёки, скорее всего я покраснел, и чтобы избежать вопросов я ниже опустил голову, стараясь тем самым не смотреть на родителей и не выдать своего стыда.

– Решил все примеры и исправил все ошибки, которые сам же наделал, – закончила она, но про книгу, и о том, что я лазил в её портфель, умолчала.

– Молодец, – сказала мама – Думаю, он это заслужил.

– Ага, – с сарказмом проговорил отец. – На шахте ему это явно пригодится. Будет читать книгу или складывать цифры пока опускается лифт.

– Не обязательно, – попыталась заступиться за меня сестра, или просто доказать что её затея не просто прихоть, а может принести пользу. – Он может научиться, чему-нибудь полезному, ну например...

Она замолчала, ища пример тому, где в нашем «райском уголке» можно применить себя, имея знания. Точнее – где требуются образованные мужчины.

Родители внимательно слушали ее и ждали ответа, я же в свою очередь ничего не ждал, а просто намазывал на булку поставленное передо мной варенье. Как мне казалось, моё мнение их меньше всего волнует, а работа для мужчин здесь одна – шахта.

– ...стать лекарем, – закончила она после не долгой паузы.

Я было, уже собирался откусить кусок булки, но ответ сестры остановил меня на самом интересном месте. Я тоже поглядел на неё и понял, что Дороти говорит совершенно серьёзно. Я перевёл свой взгляд на маму и понял, что та тоже смотрит на меня как бы оценивая, гожусь ли я на эту должность. Но вместо какого либо ответа или мнения на этот счёт она просто налила мне травяной чай. Я поглядел на кружку и ответным действием отодвинул на середину стола варенье. Мне хватит того что на булке и я решил отдать остальное своей семье.

– У нас уже есть один, – высказал своё точку зрения отец, и тоже стал изучать меня, как будто первый раз увидел.

– Он больше похож на шарлатана, даже не может запомнить названия растений, которые собирает, постоянно носит с собой книгу, – продолжала настаивать сестра.

– Знает или не знает, это другой вопрос, а то, что он вряд ли потерпит конкурентов, это точно.

– Конкурентов?! Да к нему почти никто не ходит. Он задрал такие цены, а то, что вылечит он или нет, его это просто не интересует.

– Ну, он по крайней мере лечит самого управляющего, а тот доволен.

– Ага, лечит! Придумывает сам болезни и сам же их лечит.

– Так всё, – поставил точку отец. – Ему ещё нужно вырасти, – он показал на меня. – Да и знать помимо математики,

и умения читать, ему нужно знать, что из медицины.

Этого аргумента было больше чем достаточно. Если Дороти умела читать писать и складывать, и обучала меня, то в медицине, она не знала ничего, поэтому и обучить меня она не могла.

– По крайней мере от этого хуже не станет, – вставило своё слово мама. – Не знаю, почему мальчиков не пускают в школу, но думаю, что из этого ничего плохого бы не было. Это намного лучше, чем они целыми днями безнадзорно шлются на улице. А так хоть до обеда были бы заняты.

Дискуссия на этом закончилась, и каждый остался при своём мнении, причём я так и остался совсем без мнения.

Вечером, не споря с сестрой, даже стараясь не попадаться под её прямой взгляд, я покорно сажусь за стол и вывожу все те буквы, которые она мне написала, когда же она одобрительно кивает, я ложусь спать, предварительно бережно повесив свой нож на грядущку кровати.

Перед тем как уснуть я ещё раз вспомнил сегодняшний день, где вместо наказания я получил столь дорогой подарок. Вечер, где ждал меня сюрприз, и даже при любом раскладе, он всё равно достался бы мне, но как приятно ощущать, что и сестра осталась мной довольна. Получалось, что я ей помимо неприятностей, принёс и что-то хорошее, ах как редко это бывает.

«Интересно, она помнит, что должна была меня наказать? – промелькнула мысль в сонной голове. – Думаю, пом-

нит, просто она добрая и простила меня».

Повернувшись лицом к стене, я сладко зеваю, поправив на себе простынь, быстро засыпаю. Сон уже давно ждал меня здесь, и мне только нужно было закрыть глаза.

Поход за яблоками

Утро улыбнулось всей своей красотой, и даже через запylённое окно был видна вся красота наступившего утра.

Теперь я знаю, почему меня мама не зовёт моё солнышко, я встаю совсем не так рано как солнышко, но меня это совсем не беспокоит. Утреннее пробуждение у меня ничем не отличается, за исключение одного дня в неделю. И уже через полчаса я был под начинающим раскаляться летним солнцем.

Играя с соседскими ребятами, мы непроизвольно оказались на краю деревни. И ту Кайл предложил сгонять к лесу и надергать зелёных яблок, так как мы не были избалованы большим ассортиментом фруктов, то яблоки были для нас чем-то из ряда вон выходящим, хотя спелыми их ели единицы. В основном душили зелёными, но никто не жаловался.

Лазить по деревьям я умею очень хорошо. С середины лета и до самой осени некоторые сорвиголовы решаются пойти в леса за яблоками. Далеко не заходят, благо яблони растут почти, что с краю, хотя и в самом лесу их не мало. Рвать приходится, постоянно оглядываясь по сторонам. А главное

что им не дают поспеть. То, что можно оборвать с низу быстро исчезает и вот приходится добывать те, которые растут на самом верху. Для этого надо быть ловким, а главное лёгким, а если не обладаешь такими качествами то ловить тебе там просто нечего, вот и приходится, как обезьяна прыгать с ветки на ветку, чтобы раньше других поспеть за яблоком, которое весит на самой макушке.

Мне тоже захотелось кислых яблок, которые ешь, пока не появится аскома во рту, да и то ненадолго забываешь о них и после опять начинаешь хрустеть зелёной кислятиной.

Потом правда бывают неприятные сюрпризы, но мама даёт мне горькой настойки и всё быстро проходит. Она только смеётся и говорит, чтобы я предупреждал ее, когда мы пойдём опять за яблоками, потому чтобы настойка стала лечебной ей надо настояться.

В этот раз впрочем, как и обычно я не пошёл с ребятами, хоть я и не был трусом, но почему-то такие походы без сестры мне были неприятны. И под дружное хихиканье удаляющейся своры, я побрёл домой. Сестра уже пришла из школы и готовила обед. Увидев моё пасмурное лицо, она потрепала меня по голове, от чего мне стало ещё более неловко. После посадив меня на стул, стала расспрашивать о моей печали застывшей на лице.

Я коротко рассказал ей суть и посетовал на то, что тоже не прочь прогуляться в сторону леса и нарвать яблок. Она

только рассмеялась и пошла, накрывать на стол.

– Я думаю твоему горю можно помочь, – весело проговорила она. – Можно после обеда пойти вдвоём и нарвать яблок, как раз силки проверим, может, к озеру ходим.

– Дороти, а ты научишь меня плавать? – спросил я.

Систра не ответила, она продумывала, как правильно мне отказать, хотя я уже сам понимал, что не надо было задавать вопрос, но было поздно. Да и задал я его рефлекторно.

– Ладно, не надо всё равно плавать мне негде, – попытался я поправить сам себя.

Дороти подошла и потрепала меня по голове. Я поглядел на неё. Она продолжала о чём-то думать, взгляд сестры в это время, был где-то далеко.

Из задумчивости её вывел крик и гул за окном. Это говорило о том, что что-то произошло. И по нарастающему шуму можно было понять, что произошло что-то ужасное. Я не смог усидеть и хоть сестра, выбегая на улицу, крикнула мне, чтобы я не выходил, но любопытство было сильнее меня, через несколько секунд я уже был на улице и бежал следом за Дороти, которая направлялась в сторону столпившихся людей.

Картина, которая открывалась мне при приближении, просто шокировала меня. И я уже стал жалеть, что не послушался сестру.

Ребята, которые пошли за яблоками и которые, смеясь, обзывали меня трусом. Сейчас бежали со всех ног домой,

но не просто бежали, за ними гналась свора диких собак.

Как после выяснилось, одичавшие собаки обезумели от голода, и вышли из леса на голос детей, которые забыв про безопасность, кричали и играли возле яблонь. Увидели они одичавших псов слишком поздно, двоя успевших забраться на дерево с ужасом наблюдали как псы рвут на куски менее удачливого. Но тот подарил остальным минут и когда псы поняли, что пищи может быть больше и надо её только догнать. Вот именно та картина, которая предстала перед небольшим количеством жителей, которые столпились на окраине посёлка недалеко от нашего дома. Так как среди них были одни женщины, да и те которые по состоянию здоровья или другим причинам не могли работать, то они только и смогли, что поднять шум и смотреть, как собаки нагоняют детей. Путь, который предстояло проделать детям, был велик, скорость собак не позволила им успеть добежать до родных стен домов.

Спасло детей чудо. В это время на посадку заходил пиратский крейсер, но место на космодроме было занято грузовым кораблём, и ему ничего не оставалось, как улететь прочь, но видно он заметил, что сейчас может случиться беда. И его корабль резко набирал скорость, минус был в том, что стрелять он не мог, но капитан, был не из новичков, он скинул высоту, и почти полз на брюхе, чудом не цепляя крыши домов, и пролетев над головами детей, он стал ложиться ещё ниже. На серебристом пузе корабля было эмблема,

которая занимала всю его часть – голова волка, оскаливший свою красную пасть.

Символ «Ночной братии», изображенный на корабле, был известен во всех уголках галактики. Единственные пираты, которые не прятались от стражей закона, а наоборот выставляли напоказ свою принадлежность к пиратскому сообществу. Наверное, единственные кто не боялись «Элитной стражи», а с точностью наоборот, те в одиночку боялись нападать на «Одиноких волков». Один пиратский крейсер с такой символикой легко одерживал победу с тремя тяжелыми кораблями «Элитной стражи». А когда всё же удача была не на стороне «Одиноких волков», то те всё равно бились до последнего и никогда не показывали хвост своим преследователем. В живых не удавалось захватить не одного «Одинокого волка».

То, что они были не частыми гостями в нашем посёлке, известно всем. И этот прилетеллизать свои раны, нижняя задняя турель отсутствовала полностью, не работал один из трёх двигателей, в его боку сияла огромная, дыра, но если он смог долететь до нас, то его противникам это вряд ли удалось.

Дети привыкли к кораблям, и страх перед собаками нес их вперёд, но собаки ни разу не видели космических кораблей и теперь они уже уносили ноги в сторону леса. Вот тогда и заработали носовые турели, слышны были визги псов, и со стороны леса потянула горелой шерстью и мясом. Ко-

рабль, долетев до леса ползя почти по самому песку, и возле кромки взмыл вверх, уносясь на просторы космоса. Возможно, он найдёт себе другое место для ремонта, если его в таком потрепанном виде не подстерегут «Элитные стражи». Но даже в таком виде он дорого продаст свою жизнь.

В данной ситуации поход можно было считать удачно закончившимся, ведь жертв могло быть во много раз больше.

Придя домой, и только тут я осознал, что и я мог оказаться в этой ситуации. Меня всего колотило, бросало то в жар, то в холод. И если учесть что это были только собаки пусть даже дикие, что можно было ждать от встречи с волками. А ведь мы часто ходим с сестрой в лес, и теперь я осознаю, почему сестра постоянно просит идти тиши, но я никогда не мог предвидеть, что такое может случиться.

Мысленно я решил больше не ходить в лес. Пусть даже меня считают трусом. Я туда больше не ногой.

– Я же говорила тебе, чтобы ты не выбегал на улицу, – отчитывала меня сестра, видя моё подавленное состояние.

Я только тупо глядел на неё, произнести какое либо слово я просто не мог.

– Ну почему, ты никогда меня не слушаешься? – уже более мягко поинтересовалась она.

Она прижала меня к себе и гладила по голове.

– Всё хорошо. Не бойся.

Её слова понемногу успокаивали меня, но сердце всё равно продолжало биться в учащённом ритме.

– Дороти, это ведь голова волка была нарисована на корабле? – спросил я немного успокоясь.

– Да. А что?

– Ведь ты, меня называешь волчонком, неужели я на него похож?

Она весело рассмеялась.

– Почему тебе не нравится волк?

– Ведь он приносит беду людям, горе, нападая на них, что в этом может хорошего?

– Люди больше приносят друг другу горя, чем все животные в суме взятые. Волк никогда не нападет на человека первым, только в случае если тот представляет для него угрозу.

– Даже если он будет голодным, то он не нападет на меня?

– Я думаю, что ему проще поймать зазевавшегося кролика, чем ломать зубы об костлявого мальчишку, – смеясь, шутила Дороти. – Но проверять на деле не советую, – уже серьезно добавила она.

– И не очень то и хотелось, – пробурчал я

– Волк очень смелое и хитрое животное, прежде чем, что делать в отличие от тебя, он подумает.

– Ты хочешь сказать, что я не думаю, перед тем как что-то сделать? Тогда зачем меня называть волчонком, если я не такой умный и хитрый? – обиженным голосом спросил я.

– Вот поэтому ты пока волчонок, а не волк, – рассмеялась она.

Объяснений сестры было вполне достаточно. Происше-

ствие потихоньку уходило из памяти, но когда оно изредка возвращалось, то по коже пробегала волна холодка, и сжималось сердце.

Я просто шарахался по дому, не зная чем себя занять, на улицу было страшно выходить, Дороти не стала мне докучать своими заданиями, и я оказался отдан полностью себе.

Разглядывая улицу через пыльное окно, я заметил, что жители в появлении собак извлекли выгоду. Многие тащили по улице уцелевшие части тела, диких собак, что они с ними сделают, было понятно изначально. Да и оставлять их там нельзя ведь на их запах могут придти другие, которые захотят попробовать падаль, хотя запах гари мог бы и отпугнуть.

Дороти не произносила больше не слова, тихо глядела на меня, пытаюсь понять, что творится у меня в душе, но как она могла это понять, если я сам этого не знал. Слоняясь по комнате, я наткнулся на свой нож, а так как я к нему ещё не привык, то с утра я просто про него забыл. Водрузив его на себя, я почувствовал, что он прибавил мне немного смелости, и пусть это было просто иллюзия, но мне её хватило, чтобы успокоиться.

Теперь я сидя на лавочке наблюдал за сестрой как он готовила ужин, а так как мы не ходили и не проверяли силки, то ей пришлось готовить из того что оставалось, значит ужин будет скудный, но Дороти сумеет внести немного красок и в скудный ужин.

И это подтвердилось вечером. Родители уже знали о про-

исшествии, хотя не только они. Знал весь посёлок, весть разлетелась очень быстро.

– Вы не ходили сегодня? – спросил отец у Дороти, когда мы сели ужинать

– Нет. Не успели, – тихо ответила сестра.

– Я вас прошу, будьте аккуратнее, – сказал он ей, но почему-то посмотрел на меня, потом перевел свой взгляд на нож.

Я, чувствуя тяжесть его взгляда, съежился, при этом еще ниже опустил голову к себе в тарелку.

– Черте что. Никогда псы не подходили так близко к опушке леса, и тем более не нападали на людей, – высказался отец.

– А кто знает, люди и раньше пропадали, – сказала мама.

– Я думаю, их теперь долго не будет, а пока обещают выставить патруль, на границе с лесом. Но вы всё равно будьте предельно осторожны.

Когда мы уже легли, я не как не мог уснуть и когда же всё-таки сон окутал меня, то сразу же навалились кошмары, я постоянно куда-то бежал и за мной кто-то гнался, я не видел его, но знал точно, это волк. Я проснулся, глядя в темноту, решил больше не засыпать. Но как назло веки сами закрылись, я опять побежал, когда второй раз я проснулся, то ощутил рядом сестру, она поглаживала, меня по вспотевшему лицу. Я прижался к ней, положил голову ей на плечо, уснул. Кошмар меня больше не преследовал и я проснулся, когда за окном уже всюю сияло солнце.

Я сел на кровать и тру кулачками заспанные глаза, вспом-

нил кошмар, который преследовал меня полночи.

– Проснулся? – услышал я голос сестры, убрал кулаки от заспанных глаз, и посмотрел на неё. В голове я быстро прокрутил дни и понял, что сегодня далеко не воскресенье, ещё более удивлённо посмотрел на неё.

– А что ты делаешь дома?

– Тебя охраняю, – пошутила она, и положила одежду мне на колени. – Одевайся и иди завтракать, а мне надо в одно место сходить приду к обеду, так что посиди дома, и не забудь умыться, – договорила она и ушла.

Я ещё некоторое время сидел на кровати, думая, куда могла пойти Дороти и при этом пропустить школу?

Ответ пришёл сам. Дороти пошла, помочь маме мальчика, которого растерзали собаки. Скорее всего, его сегодня похоронят, правда, похороны здесь условные. Чтобы не привлекать животных, или по каким-то другим причинам, кладбища здесь нет, всех умерших сжигают и родственникам отдают пепел, в жестяном конусе. Так и сейчас вместо ребёнка у родителей останется жестяная банка с его пеплом. От этого стало дурно.

Все указания сестры я выполнил. Выполнил с точностью наоборот. В начале я пошёл на кухню и позавтракал. После вернулся и оделся, не забыв о своём талисмানে, который постукивал по ноге при ходьбе и создавал иллюзию защищённости. И только после этого появился на улице, умываться я просто не стал, сэкономил воду.

Перепуганных вчерашним походом ребят я нашёл на заветном бугорке, он находился не далеко от посёлка и открывал обзор во все стороны. Те молча сидели и только заводило по имени Кайл всё хорохорился и что-то пытался доказать, но его никто не слушал. Странно, что все они пришли сюда.

Не обращая внимания на Кайла и не нарушая безмолвие ребят, я тихо подошёл и сел рядом. На меня просто не обращали внимания все были погружены в свои мысли, глаза излучали страх, да и другого и быть не могло, пережить такое, не всем дано, даже взрослые и те вряд ли могли бы быстро придти в себя после такого.

Кайл понял, что его никто не слушает, заткнулся и искал, чтобы такое сделать, чтобы вернуть своё лидерство. Его хищный взгляд упал на мой нож.

– Дай посмотреть, – попросил он.

– На, – просто ответил и протянул нож.

– Круто, если бы у меня вчера он был, то я...

– Ты бы его потерял, когда убегал, – перебил его я.

– Да что ты знаешь обо мне, между прочим, ты струсил и не пошёл с нами.

– Это не трусость, а предосторожность, – спокойно продолжал я при этом встал. – Если бы ты не взболомутил ребят, то Лео был бы сейчас жив. Ты хоть нажрался или ещё хочется?

Я прекрасно видел, что мои слова дошли до ребят, но и Кайл был не дурак, он тоже это видел.

– Дай сюда! – громко произнес я и протянул руку.

– Оружие детям не игрушка, – ехидно произнёс он, давая понять, что нож он не вернёт. – Это оружие настоящих воинов.

– Вот именно воинов, а не трусов которые убегают впереди всех.

– Да, чё, с тобой разговаривать. Пошлите ребята, пусть он тут остаётся, может, поплачет. Ведь ни на что, ты больше не способен...

Он залился смехом, но никто из ребят не пошевелился. Я чувствую, как кровь пребывает к моей голове. Но никому и никогда не следует недооценивать противника, самоуверенность может сыграть злую шутку, особенно если цель этого не ожидает. Я бросаюсь и в прыжке сбиваю Кайла с ног, при этом мои руки крепко сжимают его горло. Все самое худшее пришлось на мое плечо, которым я ударился, когда мы упали и как клубок покатались вниз в свою же очередь, оказавшись верхом на своём противнике мой первый удар, достиг лица Кайла, и теперь из его носа хлещет кровь. Но я не могу остановиться. Не осознано я всё продолжаю его молотить, и чувствую, как ребята оттаскивают меня от него. Только тогда я прихожу в себя. Денни протягивает мне нож, который Кайл выронил, когда я на него прыгнул.

Кайл вскакивает так быстро, как будто его ужалила пчела, сжимая кулаки, идёт на меня. Я сделал то, что не надо было делать. Я достал нож из ножен и посмотрел в глаза Кайла,

тот остановился.

– Ты трус, ты не сможешь.

– А ты попробуй, вот тогда и скажешь, если сможешь.

Кайл мялся, но подходить не решался.

– Пошли Вик, – дружески позвал Денни.

Мы разворачиваемся и уходим, оставив Кайла размазывать кровь по лицу и кричать нам проклятия вслед. Он сыплет угрозы в нашу сторону, но никто его не слушает, мы просто тих, так же продолжаем молчать, уходим, не пытаясь даже разговаривать между собой.

Имея нож можно найти сотню занятий. Первое мы решаем, что с помощью такого ножа можно вырезать лук и пострелять по мишеням, но за палками надо идти к лесу, а помня прошлое происшествя, никто не решается. Можно было поучиться метать его в дерево, но одиноко растущие деревья возле дома для этого не подходили, ведь каждый ухаживал за ним и никто не разрешил бы, чтобы мы втыкали в него нож. Так мы и просидели, не сумев ничего придумать, а может, просто не хотелось.

К вечеру я возвращаюсь домой, где с нетерпением ждет Дороти и явно не похвалит меня за послушание. Я вспомнил, что мне было велено сидеть дома и ещё что-то, но я-то рассчитывал вернуться к обеду, но запомнил, теперь придётся расплачиваться за короткую память.

– Дороти прости меня, – делаю я первые попытки вымолить прощения, но вглубь комнаты пока не решаюсь прой-

ти, оставляя шанс на отступления, может после она немного остынет.

Сестра, молча, стоит и ждет, что я произнесу дальше или пройду в комнату. Если она просто пошевелится, то я вылечу из дома как пуля, а на просторах улицы тягаться со мной в беге, просто не реально.

– Дороти я просто вышел погулять, пока тебя не было. Потом мы увлеклись, и я потерял счёт времени. Но я обещаю, что в следующий раз, это не повторится.

Но мои слова разбиваются о неприступный камень, который замер на её лице. Дороти стоит и продолжает слушать, возможно, мои оправдания не кажутся ей убедительными и она ждёт истины.

– Я, правда, больше не буду. Я даже умылся как ты и сказала, – врать я не умею, но всё же попытался. – Мы с ребятами посидели на бугре, и я пошёл домой.

– И пока вы сидели, вас замело, и поэтому ты опять грязный. Вик сколько это будет продолжаться? – задаёт она вопрос, который мне самому кажется интересным, но ответа я на него не знаю.

Я осматриваю свою одежду, при этом теряя бдительность и за это плачу свободой. Дороти хватает этой доли секунды, и она уже держит меня за плечо притом за то, которое я ушиб. Она улыбается мне, как кошка улыбается мышке, которую крепко держит в своих коготках.

– Может не надо, – без особой надежды попросил я.

– Деревцо жалко? – интересуется Дороти.

Я киваю в ответ и ощущаю её руку на груди. Она бережно снимает ремень, к которому пристёгнуты ножны и я ощущаю какой он широкий. Я сам того не догадываясь носил оружия наказания, так сказать всё рядом и жертва и ремень при нём.

Я сглотнул, прикидывая, что если точно ложить, то ремень как раз сможет лечь три раза, превращая мой зад из цвета розового, в цвет ярко красный с лёгким синим отливом.

Сестра сильнее нажала на плечо, видно желая меня развернуть тем место, то я в свою очередь не произвольно взвизгнул, от резкой боли в плече. Дороти озадаченно посмотрела на меня и попросила снять рубашку. Она легко пощупала плечо, которое немного припухло.

– Что это? – задала она не совсем уместный вопрос, но пока она не дождалась, меня раздевала, я успел прокрутить все варианты ответа, заведомо предугадав вопрос.

– Упал, – это единственный, по моему мнению, самый безобидный ответ.

– Где?

Ну, мало ли где может упасть ребёнок.

– Там, – я произвольно махнул в сторону двери, что могло означать от порожек дома, до близ лежащей планеты.

Но видно не мой безобидный вид и тем более ответы не произвели на Дороти никаких впечатлений.

– С кем ты дрался?

– Почему именно дрался?

– У тебя на рубашке капельки крови.

Вот такого промаха я не ожидал, видно я испачкался, кровью Кайла, когда лупил его.

– Тебе повторить вопрос? – произнесла он, видя, что я молчу.

– С Кайлом, но он начал первым, он не хотел мне отдавать нож, а я...

Мысленно, я уже размечал второй слой. Если горизонтально это три ряда, то вертикально, четыре раза поместится ремень на моей попе и уже цвет станет тёмно синий, и это если никто не узнает, что я вынимал нож и угрожал человеку, в том случае цвет уже не имеет значение. Стоя я есть буду до самой старости. Ну а когда умру, то в гроб меня положат кверху задом, или мне будет даже мертвому лежать больно.

При столь печальной перспективе я вдохнул тяжело и даже издал что-то вроде стона, Дороти поняла это по своему, что спасло мой зад от встречи с ремнём.

– Сильно болит? – спросила она.

Я в ответ кивнул, хоть болело и не так сильно.

– Всё говорит о том, что это ушиб, – сделала она своё заключение.

Я опять легко согласился, при этом кивнул.

– Почему ты меня никогда не слушаешься? – риторический вопрос, который она задала, скорее всего, самой себе, но я пожал плечами.

– Прости, прости. Я буду тебя слушаться, – пролепетал я так быстро и прижался к сестре.

Надо было надавить на её жалость, и я быстро этим воспользовался. Дороти отошла и она уже не сердилась, а только пристально разглядывала моё плечо.

– Если будет сильнее болеть, надо будет рассказать родителям, – произнесла она.

Я опять закивал.

Но родителям пришлось рассказать всё равно, причём сейчас и сразу. Пока мы обнимались, и Дороти разглядывала ушиб, то они вернулись с работы. Оказывается, время пролетело так быстро, что мы просто потеряли его течение.

– Что случилось? – громкий голос отца вернул нас в реальность.

– Ничего серьёзного. Вик просто ушиб плечо, – ответила Дороти.

Отец взял меня за плечо, а я от боли непроизвольно взвизгнул.

– Подними руку, – приказал он, даже не обращая внимания на то, что из моих глаз потекли слёзы.

Я, повинувшись его приказу, поднял руку и покрутил ей немного.

– Ничего страшного, простой ушиб, – сделал он своё заключение.

Он смотрел на меня и явно ждал продолжение, а точнее начало рассказа, как и где я умудрился ушибить плечо. До-

роти решив не вмешиваться в этот разговор, преступил к накрыванию стол к ужину.

– Пап я подрался с Кайлом, потому что он забрал мой нож и не хотел его отдавать, – я сам быстро рассказал всю суть. Потому что с отцом юлить и тем более ему врать о том, что упал, было, себе дороже.

– Молодец, – произнёс он. – Не то что подрался, а то, что сумел постоять за себя.

Он погладил меня по голове, чем ввёл в ступор. К этому я просто не был готов.

– Не зря ты отдала ему нож, может так из него вырастит настоящий мужик. А не хлюпик, – проговорил он, глядя на Дороти.

– И запомни Вик. Оружие, какое бы оно не было это не игрушка. Использовать его нужно только для охоты, и никогда. Ты слышишь меня, никогда не используй его во вред людям.

Он ещё раз погладил меня по голове и по моему телу побежали мурашки, покрывая тело холодным ознобом. Меньше всего мне хотелось причинить вред кому-то из людей, но поступок сегодня утром, говорил, что в состоянии агрессии, наши желания расходятся с действиями, и мне удалось сделать из этого выводы. В порыве, когда горячая кровь подступает к голове и затмевает холодный разум, то можно натворить то, о чём будешь жалеть всю оставшуюся жизнь. И чтобы не допустить беды, то просто нужно себя оградить от этого.

После ужина я убежал в свою комнату, сняв с себя тол-

стый ремень с прикрепленным к нему клинком, аккуратно повесил его на грядущку своей кровати. Так я ограждал себя от ой беды, которая только благодаря случаю прошла мимо меня.

– Повиси пока здесь, а я буду тебя брать только когда, мы будем ходить в лес.

Я ещё раз рукой провёл по ножнам, повернулся назад и взглядом спросил стоящую сзади сестру, что делать будем дальше. Ответ был очевиден, и даже моё больное плечо, не спасло меня, и мне пришлось выводить буквы, пока сестра не сказала, что на сегодня достаточно, оставшись довольной, отправила меня спать.

– Надеюсь, что сегодня тебя не будут мучить кошмары.

В ответ я пожал плечами. Раздевшись, я повернулся лицом к стене и уснул. Видно приключений на сегодня было даже больше чем достаточно, поэтому сон окутал меня сразу.

Заготовка на зиму

Разбудила меня утром сестра. Это был, наверное, первый день в моей жизни, когда я проснулся так рано.

– Вик, я думаю тебе лучше сегодня побыть дома. И я тебя очень прошу, никак вчера.

Я киваю, ещё даже полностью не осознавая, что просит Дороти. Она сидит на краю моей кровати и гладит меня по лицу, а я в свою очередь тупо гляжу на нее ещё

не проснувшимся взглядом.

– Ты хоть слышишь, о чём я с тобой разговариваю?

Я опять киваю.

– На, – Дороти протягивает мне книгу. – Если та тебе понравилась, то эта ещё интересней. Почитаешь до обеда.

– После надо будет пересказать, если не справлюсь, то ты меня накажешь, а если справлюсь, то что?

– Мне кажется, что бесплатно, ты уже ничего делать не хочешь, – смеётся она.

– Но ведь приятно когда за свою работу ты получаешь вознаграждения, – просыпаюсь я и начинаю торг.

– Сегодня обойдёмся обычной похвалой, – заканчивает Дороти и выходит из комнаты.

– Не густо, – изрекаю я, глядя на исчезающую сестру.

Немного полежав и поняв, что я всё равно больше не усну, начинаю вставать. Завтрак ещё не успел остыть и я его быстро съедаю. Одеваясь, я беру книгу в руки и открываю её. Можно конечно как всегда проигнорировать просьбу Дороти и уйти гулять, но в этот раз почему-то не хочется самому. Может как-то повлияло столкновение с Кайлом. При этой мысли я пробую своё плечо и ощущаю, что оно ещё болит. Может, что в голосе сестры было что-то завораживающее и то, как она произнесла об интересной книге. Но чтобы это не было, в этот раз я остаюсь дома, и начинаю читать.

Книга и вправду просто замечательная сестра не обманула. Да и в отличие от меня, она постоянно говорит прав-

ду. Может за исключением тех моментов, когда надо пойти на хитрость, но это столь редко, что я даже не могу припомнить. Я читал с таким интересом, что даже сам не замечал, как перелистывал страницу, за страницей, и только прикосновение руки Дороти вернуло меня со страниц книги, куда я на это время переселился, в наше противное и надоевшее место.

– Понравилась?

Я тяжело вздыхаю, что лучше любого ответа.

– Пойдём в лес? Ты ещё не перехотел яблок?

Я пожимаю плечами, при этом пытаюсь взглянуть в глаза сестры. Они излучают спокойствие, которое плавно передаётся мне. Она при этом гладит меня по голове.

– Ну что? Не будем же вечно сидеть дома. Помнишь, что я говорила про страх.

– Нужно посмотреть ему в глаза, – продолжил я.

– Умница. Ну и как?

– Я пойду, – проговорил я, хотя в душе страх шептал совсем другое слово.

После обеда мы всё же пошли. Доходя то того места где остались следы от выстрелов корабля я стал ощущать озноб который появился во всём теле. И хоть нам нужно было пройти то место, где был растерзан мальчик, то сестра, видя моё состояние, делает крюк.

Дальше вступив в прохладу и обманчивое спокойствие леса, мы повернули, и чтобы не терять зря время Дороти про-

веряет силки, не оставляя меня не на одну минуту, поэтому проверять сети мы не пошли, а сразу направились к яблоням которые росли глубже.

Молчали мы почему-то весь путь. Так странно и непривычно, от прошлых походов, где сестра постоянно что-то рассказывала мы в этот раз, не разговаривая, подошли к деревьям. Даже на первый взгляд здесь сами деревья были на много крупней, тех, что росли с краю. Возможно, они просто были старше, а может сорт был другой. В этом году их было мало, по сравнению с прошлым, возможно, и этот фактор повлиял на то, что они были такими крупными.

Я как всегда залез на дерево здесь и вправду яблоки были крупные и даже некоторые были румяные с одного боку, хотя мне было тяжело сравнивать их с теми, потому что я их просто не видел.

Внизу их было мало, и Дороти оставшись на земле обрывать те, которые она могла достать, а я уже карабкался к середине яблони. Я ловко цеплялся за сучки, и перескакивал с ветки на ветку. Протягивал руки, срывая очередное яблоко, скидывал их сестре, которая ловила их и складывала в корзинку. Мне нравилось ощущать себя таким ловким и подвижным, но страсть к движению едва не подвела меня на этот раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.